

Про старого казака, про первую поездку Ильи

Во Муроме во городе, в селе Карачарове, у крестьянина Ивана Тимофеевича было чадо малое, чадо хворое, без рук, без ног. Отец с матерью ушли в поле работáть. А к ему пришла старушка просить милóстыню ради Христа, по-старинному. А он ответил: «Я не могу подать, рад сам от тебя взять».

Затем она вынела краюшку хлеба, дара божьего, отрезала горбушку ему и той горбушкой помазáла его руки, ноги резвые и скры́лася.

Тогда ставал старой на резвы но́ги, почувствовал он себя здоровым, вышел тогда вон на улицу и пошел в чисто полё к отцу, к матери. И стал им помогать работáть. Они этому удивились, што у их сын стал здоров, и потом пошли с поля домой.

Не в долгое время старóй козак стал просить у отца-матери благословлеиия ехать в стольней Киев-град посмотреть князя со кнегиной. Тогда дали ему благословления отец с мати. Сказал ему отец: «Иди на конюшен двор. Там есть глубок погреб, накрыт плитой железной. Эту плиту соймёшь, там есь конь добрый, этим конём завладашь».

Пошел он на конюшен двор, снял он плиту железну, аки перо (*показалось она ему лехкой*). Тогда зáржал в погребу конь и выскочил вон из погреба. Тогда старóй схватил его за гриву. Хвост-грива была у его белая (*долго стоял, верно, побелел*). Обуздал, оседлал добра коня. И стал проеждять в стольне Киев-град. Только видели, как он в стремяна ступил, только видели, как он на коня скочил, а не видели поездки молодецкия. Только видели — в поле курёва́ стоит, дым столбом валíт.

Подъехал он к трём дорогам-росстаням. На этих росстанях стоял столб, на столбе было написано:

«По право́й доро́ге поедешь — богатой будешь, по лево́й доро́ге поедешь — женатой будешь, а по средней доро́ге поедешь — живо́й не будешь».

Думал долго старо́й, по како́й доро́ги ехать, раздумался: «На што мне, старо́му, богату быть?»

На што мне, старо́му, женату быть? Поеду-ка я, старо́й, по доро́ге, где живому не быть».

На той доро́ге были три за́ставы великия. Первая за́става ему повстречалася — болота зыбучия

и леса тёмныя. Слезывал он с добра́ коня, взял коня за шолков поя́с. Лево́й руко́й коня веде́т, право́й

дху́бья рве́т да мосты́ мостит. И проехал перву за́ставу. Садилса на коня и поеждял вперёд. И подьеждяет

ко второ́й за́ставе. Видит — стоят мужики новото́кмена. Стали имать его добра коня. Тогда он стал

говорить: «Ох вы, мужики новото́кмена! Бить мя не́ за што и грабить нечего, только есь у мя кунья шуба,

которая стоит семьсот рублей».

А мужики стали пуще приниматься, штобы с его содрать. Тогда соскочил старо́й со добра коня

и схватил мужика новотокмена, который был побольше и потолще, за резвы́ но́ги и стал мужиком

помахивать, и стал мужиков побивать. Пра́ву руку махне́т — лежит ули́я, ле́ву руку — так с переулками.

И всех перебил до единого. И оттуль поехал вперёд.

Видит он: гнездо Соловья сына Рахматова, которо́е стоит на двенадцети дубах, на тринаццетом

поддубушке. Засвистал этот Соловей по-змеиному, заревел по-туриному.

Пал у старо́го добро́й конь на

колени. Соскочил старо́й с добра́ коня́ и закричал на него: «Ох ты ой еси, конь да травяной мешок!»

Не слышал ты граю вороньего, свисту змеино́го, крику зверино́го?» Вынул тогда старо́й свой ту́гой лук

и калену́ стрелу и направил свою калену́ стрелу́ в Соловья сына Рахматова.

Полетела его каленá стрела

в Соловья и попала Соловью прямо в правый глаз, и повалился Соловей с дуба́ прямо как овсяный мешок.

Взял Илья Соловья, привезал к сбруе лошадиной и поехал дале. Увидели Соловья сына Рахматова молода жена и дочери его. Дочери говорят: «Везёт Соловей мужика». А жена говорит: «Дети, неправду говорите, мужик Соловья везёт». Выбегали вон на улицу, просили оставить им Соловья, обещали злата сколько надобно. Отказалса старой: «Не надо мне вашего злата-серебра. Повезу Соловья в стольне Киев-град».

Приехал он в стольне Киев-град к той ко грине кнеженецкой. Слезавал он со добра коня, привезал коня к дубову столбу, к дубову столбу, к золоту кольцу. И пошёл он тогда во гриню княжецкую. Зашёл он в гриню княжецкую. Богу помолился, поклонился во все стороны, князю со кнегиней во особицу.

В это время у князя Владимира вёлса почесен пир. Посадили его за дубовый стол попить да поисть с пути, с дорожецьки. Стали его выпрашивать: «Откуль ты, добрый молодец?» Отвечал он им: «Я из города из Мурома, из села Карачарова, сын Ивана Тимофеевича». — «Покуль ты шел, добрый молодец, покуль ехал?» — «Я шел-ехал премой дорогою в стольней Киев-град». — «Как ты мог проехать, потому што дорога залегла ровно тридцетъ лет, ведь три за́ставы на ей великия?» — «А я проехал прямо, в сырых местах болотистых мосты наместил, мужиков новотокменных побил, Соловья-разбойника сюда привёз».

Тут все зрадовалися и захотели посмотреть Соловья, сына разбойника.

Пошли вон на улицу смотреть

Соловья сына разбойника. Тогда сказал Илья Муромец Соловью сыну разбойнику: «Засвисти ты полусвистом, зареви ты полурево́м».

А Соловей-разбойник обратно заревел во весь рёв и засвистал во

весь свист, ажно сыра мать земля задрожала. Все попадали. А князя с кнегинею старой козак он в руках

продержал. Осердилса Илья Муромец и убил Соловья-разбойника. *(Больше ничего не знаю.)*

(Зап. Астаховой А. М.: 5 июля 1929 г., сел. Усть-Цильма — от Поздеева Ивана Петровича, 64 г.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 1: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.